

Глава 1

Сегодня светило солнце, и на небе не было ни облачка. В такую прекрасную погоду Цзян Сяо был госпитализирован в частную больницу Синфушу.

Несмотря на то, что это была больница, она больше походила на курорт. Пейзаж был прекрасен, воздух свеж, у каждого пациента была своя комната. Палаты были красивыми, просторными и роскошными. Врачи и медсёстры были профессионалами своего дела, их речь была приятной. Если бы Цзян Сяо следовал своим прежним привычкам, он бы дал этой частной больнице пятизвездочный отзыв, не менее пяти сотен слов горячей похвалы и поощрения, поблагодарил их за гостеприимство и пообещал вернуться, когда у него была бы такая возможность.

Жаль, что эта дорогостоящая частная больница с её отличным сервисом и заслуженной репутацией не была указана ни в одном рейтинговом приложении. Если бы не знакомство с другом, Цзян Сяо, вероятно, не приняли бы сюда, несмотря на деньги. И вряд ли он когда-нибудь станет здесь постоянным клиентом. Он вышел из больницы.

Поздняя стадия лейкемии, какая неудача.

Цзян Сяо в этом году исполнилось всего тридцать три. Когда он получил результаты лабораторных исследований, он не поверил в это, но рак не заботился о его чувствах. Он побывал в нескольких больницах, а результаты были всё те же.

Ему оставалось максимум шесть месяцев.

Частная больница Синфушу действительно предлагала высокий уровень медицинской помощи, но состояние Цзян Сяо не было излечимым. Причина, по которой он выбрал именно эту больницу, помимо надежды прожить немного дольше, заключалась в основном в том, чтобы улучшить качество жизни в последние дни. Другим словом, это был хосписный уход.

До своей болезни он всегда спешил. Беспокойство было неотъемлемой частью его жизни. В свои двадцать лет он полагался на свою молодость. Для него было обычным делом пить и засиживаться допоздна, говоря о своих делах. Были разные обстоятельства, поэтому Цзян Сяо иногда чувствовал себя больным, и у него не было много энергии, но он никогда много об этом не думал.

Доктор Лю, которая отвечала за него, мягко предупредила о некоторых мерах предосторожности своим мягким голосом. Наконец, она сказала, что, если у него будут какие-либо посетители, он должен заранее уведомить больницу, чтобы они могли организовать транспортировку.

«Не будет никаких посетителей» сказал Цзян Сяо с улыбкой. «Я познакомился со всеми своими друзьями до того, как приехал. В то время, когда я уйду, я хочу побыть один. Если кто-

нибудь спросит обо мне, просто скажите, что меня здесь нет».

Когда он вежливо улыбнулся, то обнажил пару маленьких тигриных зубов. Из-за того, что он немного похудел, морщины в уголках его глаз не были заметны, а его бледное лицо выглядело намного моложе.

У Цзян Сяо была такая внешность, которая заставляла людей чувствовать себя счастливыми внутри. Даже когда он что-то говорил, можно было сказать, что его характер и менталитет были очень хорошими. Такой человек не должен быть одиноким в свои последние дни.

Доктор Лю автоматически выразила своё понимание, но в его возрасте у него должна была быть семья. Даже если не считать друзей, разве его жена или дети не должны были прийти к нему повидаться в последний раз?

Доктор Лю видела слишком много людей и ситуаций. Она сделала несколько догадок в своём сердце, но ничего не сказала.

Все пациенты в этой больнице были богатыми, а у таких людей всегда были свои собственные страдания, которые они предпочли бы не обсуждать.

Синфушу действительно хорошая больница. Несмотря на то, что они не смогли спасти жизнь Цзян Сяо, они сделали всё возможное, чтобы уменьшить его страдания. Наконец-то он смог хоть раз расслабиться и неторопливо просмотреть двадцать эпизодов драмы в своей больничной палате. К сожалению, больница не предоставляла картофельные чипсы и раков, иначе Цзян Сяо был бы ещё более доволен.

Кровать в комнате была такой мягкой, что он заснул под звук телевизора.

Цзян Сяо привык спать один. В ту ночь ему приснился долгий сон, в котором он думал о чём-то, что произошло некоторое время назад.

Это было в тот день, когда он получил отчёт об обследовании из больницы. Так уж получилось, что комитет по управлению индустриальным парком Люцзян проводил своё ежегодное собрание, и Цзян Сяо, который всегда приходил вовремя, в кои-то веки опоздал.

Он явно был немного рассеян. Когда он вошёл в зал, персонал попросил у него приглашение. Он побледнел, по привычке улыбнулся и замер на месте на семь или восемь секунд. Затем он порывлся в стопке бумаг в своей папке с документами и протянул их.

«Сэр, это не приглашение». У молодого сотрудника до сих пор было к нему очень хорошее отношение. Он налил чашку горячей воды и предложил ему. «Как вы можете видеть, это медицинское досье».

На этот раз Цзян Сяо застыл ещё дольше. Он забрал свою папку обратно. Логотип Первой Народной Больницы Города Люцзян показался болезненным в его глазах.

Он порылся в папке с документами и не смог найти приглашение, но, к счастью, кто-то вышел из зала. Это оказался друг, которого Цзян Сяо хорошо знал. Их заводы находились неподалеку, и они знали друг друга около десяти лет.

«С каких это пор президенту Цзяну нужно приглашение? Ты новенький? Почему ты никого не знаешь?» Мужчина поздоровался с персоналом и потащил Цзян Сяо за собой. «Ты, почему ты не позвонил мне, тебя же не пускают?»

Встреча была наполовину закончена. Цзян Сяо наугад нашёл место и сел сзади. Друга, который привёл его сюда, звали Су. Цзян Сяо обычно называл его Босс Су.

Босс Су заметил, что он был не в лучшем состоянии, поэтому спросил: «У тебя кислое лицо. Ты с семьёй поссорился?»

Цзян Сяо покачал головой.

«Не будь упрямым». Босс Су похлопал его по плечу. «Твоя семья не в восторге от продажи земли в промышленном парке, верно?»

Завод по производству Цзян Сяо был открыт более десяти лет назад. На фабрике работало более сотни рабочих, производивших предметы первой необходимости, такие как полотенца и тапочки. За последние несколько лет годовой объём производства легко превысил сто миллионов. Но в последнее время, призыв к промышленным преобразованиям в городе Люцзян становился всё более и более интенсивным. Индустриальный парк находился в очень удачном месте, и высший эшелон планировал создать высокотехнологичную промышленную демонстрационную зону. Фабрики внутри либо подчинятся политике трансформации, либо продадут и переедут подальше.

Завод по производству Цзян Сяо действительно принадлежал к низкобюджетной отрасли. Он упустил шанс модернизироваться, и теперь прибыль снижалась, в то время как расходы росли. День ото дня он больше не мог держаться.

Но Цзян Сяо владел землёй, на которой располагалась фабрика. Он приобрёл землю, когда она стоила совсем немного.

Босс Су не совсем понимал причину, по которой Цзян Сяо хотел продать свою землю. Индустриальный парк был ключевым проектом, Цзян Сяо не испытывал недостатка в деньгах. Если бы всё оставалось в его руках, он мог бы каждый год собирать миллионы арендной платы, разве это не восхитительно?

Цзян Сяо выслушал его и сжал в руке папку с документами, в которой содержались только что полученные результаты теста.

«Лучше продать. Оставлять - бессмысленно» сказал Цзян Сяо. «... У меня осталось не так много времени».

Эти последние слова он произнёс таким тихим голосом, что их было почти не слышно.

На самом деле, продажа была почти завершена. Причина, по которой он пришёл сегодня, заключалась в том, чтобы закончить последние несколько этапов процесса. Другая компания и Парковый Комитет отнеслись к этому очень хорошо. Цена продажи Цзян Сяо действительно была невысокой. Когда деньги пришли, он взял большую часть и выплатил выходное пособие сотне сотрудников компании.

Бухгалтер фабрики, сестра Чэнь, работала на Цзян Сяо с самого начала. Она была достаточно взрослой, чтобы взять деньги и просто уйти на пенсию. Сестра Чэнь была одной из немногих, кто знал, что происходит в жизни Цзян Сяо. Она больше заботилась о Цзян Сяо, чем о закрытии фабрики.

«В последнее время у тебя очень плохой цвет лица. Это потому, что ты не сделал перерыв?» Она добавила: «Почему Сяо Линь не пришёл на такое большое мероприятие?»

Цзян Сяо не ответил. В последнее время он был как в тумане.

«Он недоступен» медленно добавил Цзян Сяо: «Он занят, поэтому не возвращается сюда уже больше месяца».

«По какой причине?» Сестра Чэнь была недоверчива: «Он...»

В этот момент она закрыла рот, возможно, потому, что лицо Цзян Сяо было таким измождённым. Она не хотела больше ничего говорить, чтобы заставить его чувствовать себя плохо.

Сестра Чэнь взяла деньги и ушла. Цзян Сяо долго сидел один в кабинете. Поздно вечером, он медленно встал и приготовился идти домой.

В тот день он не сел за руль, а возвращался с завода пешком. Ветер был холодным, как нож в тёмную ночь. Цзян Сяо прошёл сквозь толпу на улице, в уличном газетном киоске он заметил новый финансовый журнал. На обложке был Линь Чэньюй, которого он давно не видел. Он обладал элегантным и сдержанным темпераментом, как никто другой, будто он ходячий предмет роскоши. Будучи выскочкой в финансовом кругу, он, казалось, мог легко завоевать любовь других. Когда Цзян Сяо проходил мимо, он увидел двух молодых девушек, смеющихся и улыбающихся, когда они покупали этот журнал.

Конечно, было легко завоевать любовь Цзян Сяо.

Он некоторое время постоял перед тем газетным киоском. Линь Чэньюй на обложке был идеален, но Цзян Сяо был бледен, с растрёпанными волосами, как бездомная, блуждающая душа.

Никто бы не подумал, что эти двое - пара.

*

*

Он всё ещё помнил, что произошло много лет назад. Он впервые встретил Линь Чэньюя в возрасте девятнадцати лет. В то время Цзян Сяо бросил школу и занимался физическим трудом. Он изо всех сил пытался самостоятельно зарабатывать на жизнь, но вдруг наткнулся на человека в переулке.

Линь Чэньюй к тому времени потерял мать и отца, а в его кармане не было ни юаня, поэтому было непонятно, почему группа панков окружила его и начала избивать. Цзян Сяо думал, что он просто делает доброе дело. Он не знал, что всю оставшуюся жизнь будет связан с человеком, который снова и снова будет разбивать ему сердце.

Линь Чэньюй был весь в лохмотьях, как будто пришёл с мусорной кучи, но когда его отвезли домой и вымыли дочиста, он превратился в сияющую жемчужину. Он был очень хорош собой, шрамы на его лице не портили юную красоту, но делали его внешность ещё более душераздирающей.

Когда он улыбнулся Цзян Сяо, то был красив, как маг или эльф. Поэтому сердце молодого Цзян Сяо забило быстрее. Он упал в любовь по уши.

После того, как Цзян Сяо влюбился, у него внезапно появилась цель и надежда на будущее. Он охотно обеспечил Линь Чэньюя, предложил отправить его в колледж и ни капельки не позволил ему страдать. Цзян Сяо основал фабрику, имея только диплом средней школы. Он сжигал деньги, чтобы помочь Линь Чэньюю пережить самый трудный период в его жизни. Он помог Линь Чэньюю поступить в лучший инвестиционный банк и мало-помалу поднялся туда, где был сейчас, повелевая ветром и дождём.

Вспомнив всё это, Цзян Сяо понял, сколько времени прошло.

Он и Линь Чэньюй впервые встретились пятнадцать лет назад. Когда Цзян Сяо набрался храбрости, чтобы преследовать его, Линь Чэньюй не отказался. В общей сложности, они были вместе десять лет.

Раньше он думал, что ему повезло сделать успешную карьеру и жить с человеком, который ему нравился, переходя от трудных времен к хорошей жизни, которая у него была сейчас.

Даже если иногда было трудно, он всегда думал, что в будущем сможет насладиться плодами своей тяжелой работы вместе с Линь Чэньюем. Он не мог дождаться, пока у Линь Чэньюя появится время, не говоря уже о том, что они оба были мужчинами и не могли пожениться. В юридическом смысле, они были не более чем незнакомцами. В финансовом журнале, репортёр написал, что Линь Чэнью был холост и не женат.

Цзян Сяо сейчас было тридцать три года. Он упустил слишком много возможностей для самосовершенствования из-за всех этих трудностей. Несмотря на то, что Цзян Сяо приобрёл некоторый опыт благодаря упорной работе, ограничения его образования в младших классах средней школы означали, что он не мог адаптироваться к нынешней тенденции очень сложных реформ. Фабрика была продана, он был невидимым, неназванным любовником Линь Чэньюя в течение десяти лет, а в больнице ему сказали, что у него лейкемия.

Как же так внезапно сложилась жизнь?

Он был ошеломлён, когда получил результаты теста. Цзян Сяо оставил около дюжины звонков Линь Чэньюю, но никто не ответил. В ту ночь, именно секретарша перезвонила Цзян Сяо. Хотя её тон был хорошим, если внимательно прислушаться, казалось, что каждое предложение было наполнено сарказмом.

«Мистер Линь занят на важных встречах. В последние несколько дней были большие заказы, и компания очень занята» сказала она. «Если у вас что-то есть, дайте мне знать заранее, и я что-нибудь придумаю».

У Цзян Сяо не было сил спорить с секретаршей Линь Чэньюя, после этого, он больше нигде не звонил.

Болезнь была как последняя капля. Это сокрушило Цзян Сяо. Закрытие фабрики было ударом, а лейкемия стала ещё большим ударом. Когда он узнал, что его дни сочтены, он хотел найти человека, к которому чувствовал себя ближе всего. Но поддержки Линь Чэньюя, как всегда, не было.

Цзян Сяо был страстным человеком. Он знал, что темперамент Линь Чэньюя был холодным, поэтому вполне естественно, что его чувства были не такими сильными.

Он был из тех, кто влюбился первым, и влюбился глубоко. Он всегда думал, что нет ничего плохого в том, чтобы давать чего-то больше. Цзян Сяо никогда не вёл счёт, когда дело касалось человека, которого он любил.

Линь Чэньюй был занят, поэтому эти двое почти никогда не наслаждались свиданиями, как это делала нормальная пара. В последние годы большая часть бизнеса Линь Чэньюя

переместилась из Люцзяна в город Биньхай, прибрежный город в тысячах миль отсюда. Он ушёл ещё дальше, но Цзян Сяо стерпел это.

Терпение, терпение. Если бы не эта болезнь, возможно, Цзян Сяо продолжал бы обманывать себя. Но когда на него свалилось сразу так много вещей, он перестал притворяться.

Всё его тело тряслось, как будто он подошёл к краю обрыва.

Через неделю после того, как Цзян Сяо закончил разбираться с делами фабрики, он увидел Линь Чэньюя дома.

К тому времени, он уже давно знал о лейкемии. Несколько его близких друзей тоже знали об этом. Один из них представил Цзян Сяо частную больницу Синфушу, и он прошёл процедуры приёма в одиночку. Его должны были принять послезавтра.

Может быть, когда вся работа будет закончена, Линь Чэньюй вернётся.

На нём был чёрный костюм, как будто он только что вернулся с банкета. Стоя у входа, он небрежно снял галстук. Когда он посмотрел на Цзян Сяо, вид его лица тронул сердце, как и всегда.

*

*

Он был на год моложе Цзян Сяо, в этом году ему исполнилось тридцать два года. Он был в расцвете своей карьеры. Цвет глаз представителя смешанной расы был немного голубым и серым, они были словно персик и обладали естественной привлекательностью, а его лицо казалось безупречным. Малейший след, оставленный годами, делал его более зрелым и привлекательным.

Красивый и успешный. Если бы ты жил с таким человеком, ты бы чувствовал себя счастливым, верно?

Бесчисленное множество людей думали так, но Цзян Сяо, человек, который на самом деле был с ним, испытывал смешанные чувства.

Линь Чэньюй был холоден, как зимний день, в течение десяти лет, что бы ни делал Цзян Сяо, он не мог согреть его сердце.

Вечером он приготовил миску отвара, но больше есть не мог, поэтому отодвинул тарелку в сторону.

Линь Чэньюй тоже выглядел немного усталым. Он сел на диван и открыл бутылку красного вина.

Раньше Цзян Сяо сидел рядом с ним, а затем, естественно, сжимался в его объятиях и находил любую тему для разговора. Но на этот раз Цзян Сяо казался ненормальным. Он отнёс миску на кухню, чтобы вымыть её. Линь Чэньюй подождал некоторое время, затем подозрительно посмотрел на кухню, но не двинулся с места.

Было слишком тихо. Атмосфера в комнате была слишком странной. Через некоторое время, Линь Чэньюй взял на себя инициативу заговорить.

«Секретарша сказала мне, что ты много звонил» сказал он. «В то время я был на совещании, очень важном совещании. Если тебе есть что сказать, скажи мне сейчас».

Он чувствовал, что для Цзян Сяо было немного неразумно всё ещё злиться. Может быть, он был сегодня в хорошем настроении, и именно поэтому потрудился всё объяснить.

До тех пор, пока Цзян Сяо делал свой голос немного мягче и позволял свету отражаться на лице, он не сердился из-за мелочей.

Но сегодня всё было по-другому. Цзян Сяо вышел после мытья посуды, повернувшись к нему спиной. Он слабо ответил: «Это уже не имеет значения. Всё уже улажено».

Госсекретарь Линь уже давно занималась этой работой. Она глубоко чувствовала, что Линь Чэньюй не очень-то заботился о Цзян Сяо. Он уже жаловался Линь Чэньюю на секретаршу Линь.

Цзян Сяо сел на диван, но не зарылся в объятия Линь Чэньюя.

«Ты был слишком занят в последнее время?» Он тихо добавил: «Я видел журнал. В компании много чего происходит?»

«Всё в порядке». Когда Линь Чэньюй упомянул о работе, он почувствовал волнение и налил немного вина в свой бокал. «В последнее время у компании много проектов. Мне придётся немного попутешествовать. Сяосяо, ты должен быть счастлив за меня».

В последнее время Линь Чэньюй кайфовал. Он совершенно не знал о пытках, которым подвергался Цзян Сяо в последнее время. Он долго не был дома и думал, что Цзян Сяо, должно быть, привык к этому. Цзян Сяо всегда был полон сожаления, когда Линь Чэньюй говорил ему, что он уезжает. Он стал нетерпеливым и страстным во всём, в том числе и в постели. Линь Чэньюй всегда наслаждался этим энтузиазмом перед тем, как они расстались.

Но на этот раз у Цзян Сяо не было особого выражения лица. Он опустил глаза и спросил:

«Когда ты уезжаешь?»

«Утром».

После паузы, Цзян Сяо заговорил, но его голос задрожал: «Ты можешь не уезжать? Ты можешь уделить мне немного времени... побыть со мной?»

Это был первый раз, когда Цзян Сяо обратился с такой просьбой. Он не хотел, чтобы Линь Чэньюй уезжал. Самое большее, на что он мог надеяться, это то, что Линь Чэньюй может вернуться пораньше. Цзян Сяо никогда раньше не просил Линь Чэньюя отказаться от чего-либо ради него.

Он был на год старше Линь Чэньюя и всегда заботился о нём.

Но через несколько дней, их отношениям официально исполнится десять лет. Если бы Линь Чэньюй почувствовал хоть малейшее беспокойство, он бы услышал о банкротстве фабрики. Внешность Цзян Сяо была совсем не хорошей. Босс Су и бухгалтер Чэнь увидели это с первого взгляда. Они задали несколько вопросов, но Линь Чэньюй даже не заметил этого.

Когда Цзян Сяо заговорил, во рту у него был ржавый привкус от кровоточащих дёсен. Это был симптом лейкемии.

«Это не займёт много времени. Месяц, неделю». Это было похоже на то, словно он пытался ухватиться за спасительную соломинку. «Или всего три дня ...»

Он хотел рассказать Линь Чэньюю обо всём. Он хотел рассказать своему дорогому человеку об ужасных вещах в своей жизни. Он не мог увидеться с Линь Чэньюем, поэтому делал около дюжины звонков, но ответа не последовало. Если бы Линь Чэньюй почувствовал малейший намёк на то, что что-то не так, Цзян Сяо рассказал бы ему всё. Освобождение от бремени могло бы дать ему немного утешения в оставшееся время.

Но Линь Чэньюй не кивнул. Он не спросил, что происходит. Он просто притянул Цзян Сяо поближе, чтобы прервать его, ущипнул его за мочку уха и сказал: «Сяосяо сердится на меня? Ты чего дуешься?»

Цзян Сяо натянуто покачал головой, когда Линь Чэньюй начал проявлять нежность. Линь Чэньюй теперь казался искренне счастливым, как будто они действительно были любящей парой.

Но если ему было не всё равно, то почему он не имел ни малейшего представления о стольких вещах?

Он говорил так, словно думал, что Цзян Сяо шутит.

Я умираю, Линь Чэньюй, ты знаешь?

Цзян Сяо открыл рот, чтобы произнести эти слова, но Линь Чэньюй остановил его. Он поцеловал уголок губ Цзян Сяо, а когда заговорил, его тон был любящим, но смысл был очевиден: «Нет, то, с чем я имею дело, действительно важно. Будь хорошим мальчиком и веди себя хорошо».

Его руки нежно обнимали Цзян Сяо за талию, но слова были как нож в сердце.

Цзян Сяо не мог говорить.

Его глаза в этот момент были тусклыми и неподвижными, а в сердце чувствовалась смертельная, невыразимая боль.

Он не мог сосчитать, сколько раз был разочарован или скомпрометирован. Это было просто ещё одно неувидительное разочарование. Может быть, в первый раз, когда это случилось, он бы стал спорить, вышел из себя или умолял, но это случалось снова и снова. Цзян Сяо нечего было сказать.

Он и Линь Чэньюй были вместе так долго, что он не мог сказать, что их пара совсем никогда не была счастлива. Были и счастливые времена, хотя их было немного.

Но Цзян Сяо теперь ясно понял, что он никогда не был самым важным в сердце Линь Чэньюя. Коллеги, работа, важные вечеринки, что угодно, Цзян Сяо всегда сидел в заднем ряду. Бесчисленное количество раз он слышал «нет», «в следующий раз», «нет времени» и «будь хорошим». Затем он пытался получить немного радости и счастья от того, что осталось. Как дешево. Как смешно.

Он хотел бы, чтобы Линь Чэньюй просто отказал ему с самого начала. Но Цзян Сяо был обманут этой маленькой милостью, думая, что Линь Чэньюй просто не любит выражать свои чувства, будто его личность была другой. Наконец бездна открылась, и всё, что он чувствовал - боль.

Если любовь никогда не выражается и не осуществляется, то это вообще не любовь. Линь Чэньюй никогда не любил его.

Линь Чэньюй не замечал выражения лица Цзян Сяо. Он выпил немного вина и надеялся, что Цзян Сяо, как обычно, будет послушен, активен и полон энтузиазма,.

Эти двое всегда были невероятно совместимы в постели.

Сегодня всё казалось немного странным, но он хотел, чтобы всё было как раньше. Он использовал те же методы, что и всегда, притянув ошеломлённого Цзян Сяо к себе и опустив

голову, чтобы накормить его полным ртом красного вина.

Вино было очень крепким. Цзян Сяо был ошеломлён, после глотка он вспомнил, что сейчас не может пить, потому что это вредно для его организма.

«Я не хочу...»

Цзян Сяо отказался. Он действительно был болен. Он голоден, но ничего не мог проглотить, в его теле не было сил.

Но Линь Чэньюй хотел выпить, он никогда не принимал всерьёз мнение Цзян Сяо. Его уговоры были ласковыми и нежными, ему нельзя было отказать.

В ту ночь никто из них не спал. Это было самое болезненное запутывание в жизни Цзян Сяо, как физически, так и морально.

Он всегда был терпелив, думая, что сможет согреть ледяное сердце Линь Чэньюя. Но по прошествии пятнадцати лет, сердце Линь Чэньюя не согрелось, а сердце Цзян Сяо похолодело. Он чувствовал себя опорой. Он посвятил свою жизнь Линь Чэньюю, и теперь, когда он был исчерпан, пришло время покинуть эту сцену.

Человек, которого он считал любовью всей своей жизни, никогда по-настоящему не любил его, а брак, которого он всегда хотел, оказался шуткой. Это был не более чем сон, который он в одиночку нёс в течение пятнадцати лет, но ему пришло время проснуться. Отчаяние в его жизни накапливалось постепенно, пока не взорвалось в последние дни его жизни.

«...Ты когда-нибудь любил меня?»

Спросил его Цзян Сяо во время процесса.

Может быть, Линь Чэнью не расслышал, может быть, он не обратил внимания, а может быть, просто не хотел отвечать. Цзян Сяо так и не получил ответа.

На самом деле Цзян Сяо понял, что Линь Чэньюй даже не знал, что такое любовь. Цзян Сяо дал слишком много. Линь Чэньюю это нравилось, и он привык к этому, но не влюбился в него.

Дёсны Цзян Сяо снова начали сочиться кровью.

На следующий день, он наблюдал, как Линь Чэньюй пакует свои вещи. Ему было ужасно плохо, всё его тело болело, но он молчал и ничего не говорил.

Пока Линь Чэньюй собирал вещи, Цзян Сяо лежал на кровати с открытыми глазами. Если бы кто-нибудь посмотрел на него, то испугался бы, насколько он похож на труп.

Линь Чэньюй закончил собирать вещи и был готов к отъезду. Он, очевидно, делал подобное много раз, оставляя Цзян Сяо одного в доме. Он никогда ничего не чувствовал, когда уходил. Насколько Цзян Сяо был обеспокоен, каждый раз, когда Линь Чэньюй уходил.

Но на этот раз всё выглядело немного по-другому. Линь Чэньюй почему-то почувствовал какую-то необъяснимую панику. Линь Чэньюй всё время думал, что что-то упускает, что-то вроде туманного предупреждения из темноты, как будто он забыл что-то упаковать в свой багаж, поэтому ему пришлось неоднократно проверять его. Он всегда был пунктуален, но теперь опаздывал на час. Секретарша всё время уговаривала его выйти пораньше, иначе он не успеет на самолет. Линь Чэньюй открыл дверь дома и приготовился уходить.

Когда он потянулся к дверной ручке, то увидел Цзян Сяо в пижаме. Он тихо стоял там с неохотной улыбкой, обнажая эти два знакомых и очень милых тигриных зуба.

У него была лёгкая улыбка, которая не коснулась глубины его глаз. Если присмотреться, то казалось, что он плачет.

Затем дверь закрылась, и Линь Чэньюй некоторое время стоял в оцепенении.

Цзян Сяо... Он немного похудел, сказал про себя Линь Чэньюй. Когда я закончу эту работу, у меня будет время быть с ним.

Кроме того, Цзян Сяо был таким воспитанным и разумным. Он всегда всё понимал.

С этими мыслями в голове он последовал привычке, которую всегда делал. Линь Чэньюй ушёл, не оглядываясь.

Когда Цзян Сяо уходил, он не брал такую тяжелую сумку, как Линь Чэньюй. Он взял свою банковскую карточку, удостоверение личности и мобильный телефон, надел обычное пальто и зарегистрировался в частной больнице Синфушу.

Когда Цзян Сяо покинул «дом», в котором они с Линь Чэньюем жили в течение десяти лет, он, казалось, вырезал что-то из себя, словно кусок плоти был отделен от его тела.

Факты доказывали, что деньги, ради которых он так усердно работал, были более надёжными. По крайней мере, дорогостоящая больница Синфушу сделала всё возможное, чтобы облегчить его страдания, сотрудники обращались с ним прилично, прежде чем он умер. Позже они заберут его труп и установят памятник, чтобы завершить свои услуги.

Состояние Цзян Сяо быстро ухудшилось после его прибытия. Доктор Лю сказала, что у него не

было большой воли к жизни, как будто он был истощён до глубины души и просто сдался.

Когда Цзян Сяо попал в больницу, ему оказали большую помощь, но его состояние ухудшилось. Номер его мобильного телефона не менялся, а смартфон всегда был включен, но если бы он не звонил, Линь Чэньюй не взял бы на себя инициативу набрать ему. Сейчас было точно также.

Он всегда держался отчужденно, ожидая, что люди отдадут ему свои сердца.

Может быть, у людей действительно есть шестое чувство. Однажды Цзян Сяо действительно почувствовал себя очень плохо. В тот момент в его мозгу царил хаос, не контролируемый разумом. Доктор Лю и куча медсестёр окружили его, вводя в него всевозможные инструменты и трубки. Цзян Сяо в состоянии замешательства умолял позвонить Линь Чэньюй.

Доктор Лю не могла отказать ему, поэтому дала ему телефон.

Она наблюдала, как Цзян Сяо сжимал телефон дрожащими руками, пытаясь держать свои затуманенные глаза широко открытыми, пока не нашёл имя нужного человека на экране.

Судя по разнице во времени, сейчас у него должна быть поздняя ночь. Телефон звонил долго, но никто не отвечал. Цзян Сяо продолжал звонить, и наконец, кто-то взял трубку.

Это был сладкий, девичий голос, который спросил: «Кто это?»

У Цзян Сяо не было возможности заговорить. Он онемел, и всё, что он мог сделать, это слушать. После того, как голос задал ещё несколько вопросов и не получил ответа, другая сторона повесила трубку.

После этого телефонного звонка, то небольшое, что осталось в пепле его сердца, погасло.

Не было никакой необходимости видеть его. Цзян Сяо выбросил телефон и больше никогда не звонил ему.

В самом конце, когда у него осталась последняя крупинка разума, доктор Лю села у его постели и спросила, что он хочет высечь на своём надгробии.

Родители Цзян Сяо давно ушли, как и его так называемый возлюбленный. Его друзья отнеслись бы с уважением к его выбору и позволили бы ему написать собственную эпитафию. Эпитафии многих людей рассказывали об их жизни и достижениях. Цзян Сяо не хотел ничего особенного, но когда она спросила, он не мог не вспомнить о своих чувствах, когда впервые попал в частную больницу Синфушу.

Доктор Лю видела этого человека в самые болезненные моменты. Она видела, как он улыбался

перед смертью, его брови изогнулись дугой, обнажив два маленьких острых тигриных зуба.

В конце концов, его похоронили на тихом кладбище, окружённом прекрасными пейзажами. Место, которое выбрал Цзян Сяо, было в углу, в одиночестве. Здесь было очень тихо, в соответствии с его предпочтениями. Оставшиеся его деньги были пожертвованы. На надгробной плите было написано шесть слов—Спасибо, Что Быстро Вернулся И Навестил.

Фотография на памятнике была выбрана самим Цзян Сяо. Она была сделана в молодости, тогда, наверное, ему было чуть за двадцать. Его улыбка была такой же ослепительной, как нарцисс, как будто в его жизни никогда не было никакого горя.

Цзян Сяо любил смеяться, когда лежал в больнице. У него всегда был хороший характер, но когда доктор Лю посмотрела на эту фотографию, ей показалось, что его поздняя улыбка была неохотной, напряжённой и не такой чистой.

Интересно, что сделало его таким.

Доктор Лю принесла небольшой букет ромашек и положила их перед его могилой. Она видела много пациентов. У неё было смутное представление об истории Цзян Сяо, но она не осмеливалась слишком глубоко задумываться об этом.

Многие люди стали порочными ещё до того, как умерли, особенно люди за тридцать, которые были в расцвете сил, и это было нормально. Но Цзян Сяо был слишком спокоен. Похоже, он был очень сильно разочарован, поэтому относился ко всему спокойно.

Если действительно существует загробная жизнь, я надеюсь, что у него она будет лучшей.

<http://bllate.org/book/14428/1275592>